

Е. Л. Шапошников

ПРАВОСЛАВНАЯ ОЦЕНКА СВЕТСКИХ УЧЕНИЙ О ДОСТОИНСТВЕ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Появление христианства изменило понимание человеческой личности, ведь Иисус Христос был не только Богом, но и «полным человеком». После боговоплощения человек начинает рассматриваться как образ и подобие Божие, причем если «образ» включен в состав любого человека, хотя и может быть «размыт» его греховной природой, то «подобие» достигается «через уподобление Богу» путем духовного усовершенствования. Вот как об этом пишет один из авторитетнейших православных богословов Иоанн Дамаскин: «Человек создан по образу Божию, одарен разумом, мыслью и свободой». Следовательно, образ Божий – это дар каждой человеческой личности, но он в ней существует потенциально, т. е. в возможности. Превращение возможности в действительность и есть путь богоподобия, которое «означает уподобление Богу в добродетели, насколько это возможно для человека»¹.

В этой связи понятно, что достоинство человеческой личности заключено прежде всего в ее духовном мире, дающем и направление воли. Однако если нерелигиозные политические, этические и педагогические системы рассматривают «внутреннего человека» или как итог действия «внешних обстоятельств», или как следствие индивидуальных факторов воздействия, то иначе думает христианство. Оно считает, что в добродетелях происходит не только реализация человеческих устремлений, но совпадение Божественной и человеческой воли, и данный синергизм – это «основной закон всякой евангельской добродетели». При этом «ни Божие не ущемляется за счет

¹ Цит. по: *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. – М., 1996. С. 241.

человеческого, ни человеческое за счет Божиего»¹. Высшей ступенью человеческой добродетели, вершиной богоподобия становится осознание человеком своего богосыновства. Это чувство очень сложно выразить в понятиях, но именно «усыновление есть полнота спасения»². Идея богосыновства воодушевляет и одухотворяет человека и не дает ему «всецело отожествлять себя с землей, из которой он вылеплен»³. Поэтому земные, материальные потребности не могут исчерпать и удовлетворить смысл человеческого существования, его сущность раскрывается только при условии «стяжания» духовных ценностей.

Итак, главным в православном подходе к пониманию достоинства человека является его связь с добродетелью, с праведной жизнью. Поэтому «в восточно-христианской традиции понятие “достоинство” имеет в первую очередь нравственный смысл»⁴. Общепринятым является тот факт, что именно христианство с его идеей равенства людей перед Богом, с учением о человеке как образе Божьем, с признанием свободы воли личности породило новое отношение к человеку. Христианская антропология периода отцов церкви постоянно подчеркивает, что сам акт творения человека по образу Божию свидетельствует о том, что он «получил достоинство... изначально»⁵.

Но по мере развития секулярного сознания в Европе христианская основа достоинства личности начинает забываться. На первый план выходит естественно-правовая доктрина, которая «была лишена религиозной окраски и низведена с неба на землю»⁶. Достоинство человека начинает пониматься прежде всего как реализация его прав на жизнь, свободу и собственность. В конце XVIII – начале XIX вв. утверждается либерально-демократическая система ценностей, которую в 90-е гг. XX в. определенные политические силы стремились утвердить и в России. Поэтому неслучайно в пособии для преподавателей

¹ *Иустин (Попович), архим.* Догматика православной церкви. Пневматология. – М., 2007. С. 343.

² *Кассиан (Безобразов).* Христос и первое христианское поколение. – М., 2001. С. 541.

³ *Клеман О.* Истоки. Богословие отцов древней церкви. Тексты и комментарии. – М., 1994. С. 77.

⁴ Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Журнал Московской патриархии. 2008. № 9. С. 5.

⁵ *Клеман О.* Истоки... – С. 89.

⁶ *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М., 2005. С. 27.

старших классов школ, гимназий и лицеев она оценивается позитивно, так как делает акцент «на самооценку автономной личности, на ее свободу». С этой точки зрения, именно «идея независимости личности стала основой творческих потенциалов Запада»¹.

Однако «творческие потенциалы Запада» реализовывались прежде всего в материальной сфере, в создании общества потребления, целью которого становится культивирование и удовлетворение материальных потребностей индивида. В результате извращается иерархия ценностей и «вместо того, чтобы дух властвовал над телом... он покоряется плоти»². Автономизм личности неизбежно приводит к эгоизму, к стремлению жить «за счет других». Само достоинство человека все более сводится к формальной оценке его положения, а внутренний мир индивида, нравственные мотивы его поведения становятся второстепенными факторами. К тому же, в современных развитых странах, как глубоко отметил Ж. Бодрийяр, все более исчезает «энергия реальности». Потребности людей все чаще удовлетворяют симулякры, создающие свой «очарованный мир» через «эксцесс видимостей реального»³. В этом мире все труднее становится отличать добродетель от греха, а достоинство личности начинает все более сопрягаться с ее внешним благополучием. Одной из важнейших характеристик «внешнего человека» становится возможность максимальной реализации своих прав.

Своеобразным итогом православного осмысления современных светских правовых норм явились «Основы социальной концепции русской православной церкви», принятой на Юбилейном Архиерейском соборе в 2000 г. Этой теме посвящен четвертый раздел данного документа, который называется «Христианская этика и светское право»⁴.

Правовые нормы появляются, с точки зрения соборных отцов, вместе с человеком: «первые законоустановления даются человеку еще в раю». Поэтому религиозное и светское право «происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля». Однако затем

¹ Мировое политическое развитие: век XX: Пособие для преподавателей старших классов школ, гимназий и лицеев. – М., 1994. С. 39.

² Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – С. 5.

³ Бодрийяр Ж. Собр. соч. – М., 2000. С. 121.

⁴ См.: Основы социальной концепции русской православной церкви: Текст и комментарии. – Н. Новгород, 2003. С. 24–31.

под влиянием грехопадения светское и церковное право друг с другом расходятся. Основой последнего является «божественное откровение», независимое от исторических и социальных условий, в силу чего оно «принципиально надсоциально».

Этот тезис, на наш взгляд, не выдерживает проверку реальными историческими фактами. Мы считаем, что и нормы церковного права включены в социальный контекст существования еkkлeсии, и их эволюция связана с развитием общества. Да и сами «Основы социальной концепции...» утверждают, что «иные религиозные установления, данные для отпавшего от Бога человечества, по природе своей могут быть частью гражданского законодательства». Право соприкасается с нравственной сферой, но все-таки между ними существуют и различия. Этические нормы определяются «внутренним состоянием человеческого сердца», и при правильном их построении становятся ясна их религиозная природа, ибо «сердцеведцем является лишь Бог». Право также содержит в себе «некоторый минимум нравственных норм», оно «становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития». И если христианская этика стремится «и в душе человека, и в социальной сфере созидать мир с Богом», то «задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад».

Итак, с одной стороны, наличие права, законодательной системы свидетельствует о «поврежденности образа Божия в человеке», но, с другой стороны, «без права никакое человеческое сообщество существовать не может».

Много внимания в анализируемом документе отводится проблемам прав человека. Эта тема характеризуется как одна из доминирующих в современном правосознании. Богословы считают, что сама идея прав человека «основана на библейском учении о человеке как образе и подобию Божиим». В христианском мировоззрении права человека неразрывно связаны с его совестью, со «свободным волеизъявлением», от которого, в конечном счете, зависит «путь ко Христу или путь от Христа».

В «Основах социальной концепции...» специально отмечается, что в ходе секуляризации общества «высокие принципы неотчуждаемых прав человека» превратились в права индивидуума «вне его связи с Богом», при этом охрана этих прав «трансформировалась в защиту своеволия». В результате в современном правовом сознании утверждается «апологетическое отношение» к действующим правовым нормам. То есть связь с традицией, с христианскими ценностями для права становится

не обязательной, любые его изменения, «если они приняты обществом, законны». Отсюда эвтаназия, однополые браки, клонирование, которые получают в ряде стран статус «законных действий», так как, с этой точки зрения, любой «действующий закон является легитимным уже в силу самого его существования». Следовательно, при таком подходе возможно отрицание нравственных норм на законных основаниях.

Однако богословы при обсуждении прав человека не ограничились только «Основами социальной концепции»: под руководством митрополита (ныне патриарха) Кирилла (Гундяева) были разработаны «Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятые на Архиерейском соборе в 2008 г.¹ В этом документе прямо подчеркивается, что «права человека не могут быть выше ценностей духовного мира». Следовательно, трактовка прав человека как доминантного основания общественной жизни не является верной. Защищая свободу выбора, институт прав человека «все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха». Если же свободный выбор обращается к злу, поощряет греховные наклонности человека, то он «теряет свою ценность и смысл». Отсюда отнюдь не вытекает утверждение о том, что русская православная церковь в силу консервативного настроения «ополчается против прав и свобод человека». Напротив, анализируемый документ признает, что права человека могут «служить благим целям защиты человеческого достоинства», но при условии, что они не будут вступать «в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью».

Введение в институт прав человека нравственного критерия, на наш взгляд, вполне оправдано и соответствует духу наших национальных традиций. Современные православные богословы подчеркивают, что наряду с общими правовыми принципами существует и национальная форма права, через которую проявляются особенности того или иного этноса, «движущегося в истории». На Руси до 1917 г., несмотря на сложные периоды, государственные законы «являли собой единую правовую ткань созидающегося народного организма». Революция изменила «течение реки российского национального правопорядка», Совет народных депутатов отменил все предшествующее российское законодательство. Новые законы,

¹ См.: Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – С. 4–15.

в том числе по отношению к религии, разрывали связь с прежней традицией, а деятельность церкви вообще была «исключена из правового поля». После краха «советской государственности» началось «становление новой правовой системы», но она опирается не на отечественную традицию, а на «идеи, господствующие в современном секуляризованном правосознании». Конечно, представители церкви понимают, что «простая реставрация дореволюционных правовых норм невозможна», но они считают, что особое внимание к духовной сфере жизни человека как «отражение нашей национальной традиции» может быть восстановлено.

Несмотря на критичное отношение к современной правовой системе, православные иерархи последовательно выступают против правового нигилизма. Они подчеркивают, что «церковь неизменно призывает пасомых быть законопослушными гражданами земного отечества». Даже когда законы являются несовершеннолетними, православный христианин обязан им повиноваться «во всем, что касается исключительно земного порядка». Понимание прав человека носит не абстрактный характер, а связано с ценностными ориентирами, с выбором жизненного пути. Человек – существо свободное, однако «много страданий... было явлено в ответ на неудержимое стремление людей быть свободными»¹. Это не только революции и гражданские войны, но и межгосударственная борьба, идеологические и религиозные столкновения, проходящие под лозунгами борьбы за свободу. При этом по мере эволюции общество, социальные союзы и страты все более и более теряют свою организующую роль, и можно согласиться с главой русской православной церкви, что «сегодняшнее понимание свободы имеет в своей основе идею автономии»². В результате индивид начинает не только претендовать на независимость от семьи, от церкви, от других социальных институтов, но и критерием поведения становится его личный интерес. А так как сколько людей, столько и интересов, то любой человек признается самостоятельным «для определения нравственной правды». Вместо четкого разделения на добро и зло «появляется плюрализм мнений, каждый имеет право на свою истину». При этом данный подход не просто декларируется, но и закрепляется юридически. Так антихристианские нормы появились в законодательстве большинства западноевропейских стран. В результате сво-

¹ Кирилл (Гундяев), митр. Доклад на поместном соборе русской православной церкви // Журнал Московской патриархии. 2009. № 2. С. 52.

² Там же. С. 53.

бодный выбор человека девальвируется, так как он утрачивает объективные критерии, опираясь на которые можно «отличить добро от зла».

На последнем архиерейском соборе (2011) специально отмечалось, что активная позиция русской православной церкви привела «к включению вопроса о соотношении прав человека и традиционных ценностей в повестку дня Совета по правам человека ООН»¹.

Патриарх Кирилл (Гундяев), анализируя взаимоотношения русской православной церкви с католиками и протестантами, отмечает, что у православных с первыми, несмотря на наличие «разделяющих тем», существует и «общая позиция». Она связана с противодействием негативным «процессам либеральной секуляризации», обесценивающей христианский взгляд на достоинство человека, подрывающей «нормы традиционной морали». В то же время протестанты отказываются от «сохранения христианского наследия и защиты традиционных христианских ценностей». В результате православие «все меньше видит соратников в лице протестанских общин», так как они «не только не пытаются вести реальную проповедь христианских ценностей среди секулярного общества, но предпочитают подстраиваться под его стандарты»².

Итак, даже отношение русской православной церкви к христианским конфессиям в современной ситуации начинает определяться не столько догматическими разногласиями, сколько принятием или отвержением ими традиционных этических христианских норм.

Очень своевременно звучит голос русской православной церкви, которая, не отрицая свободы личности и связанной с ней прав, призывает согласовывать их «с нормами морали, с нравственным началом, заложенным Богом в природу человека». Сохранение базисных христианских представлений о достоинстве человека, внесение «христианского критерия» в оценку либеральных взглядов на поведение индивида и его права должно стать для священнослужителей одной из важнейших задач, так как они «призваны служить и действовать именно в эту историческую эпоху»³. Только объединяя усилия верующих и неверующих, всех людей доброй воли, выступаю-

¹ Кирилл (Гундяев), *патр.* Доклад на архиерейском соборе Русской православной церкви 2011 г. // Журнал Московской патриархии. 2011. № 3. С. 37.

² Кирилл (Гундяев), *патр.* Доклад на архиерейском совещании 2010 г. // Журнал Московской патриархии. 2010. № 3. С. 40.

³ Там же. С. 48.

щих за сохранение «человеческого в человеке», можно добиться создания жизнеустойчивого общества, имеющего позитивные перспективы развития.